

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ПОСТГУМАНИЗМ: НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ ИЛИ НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ГОСПОДСТВА? (Часть I)

Аннотация. Постгуманизм переосмысливает современную социальную ситуацию, поставив под сомнение многие важные парадигмы науки и технологии. Среди них: гуманистическая концепция человека, антропоцентрическое видение природы и истории, отношения человечества с другими живыми существами и неживыми объектами, роль новых научных открытий в трансформации человечества в отношении биологической формы, идентичности и будущего выживания. Прodelывая эту работу, различные теоретики постгуманизма или трансгуманизма обсуждают вклад когнитивных наук, биоэтики, искусственного интеллекта, правовых установлений и соответствующих технологий в конструирование нового человека, семьи, собственности, общества и политического порядка, который, как предполагается, станет более справедливым, инклюзивным и процветающим. Автор подвергает этот комплекс теорий критическому анализу, показывая меняющееся место таких компонентов, как наука, технология, идеология и политическое воздействие постгуманистического движения с точки зрения его вклада в формирование принципиально новой концепции социальной иерархии, власти и доминирования, возможно, потенциально более авторитарных, чем все предшествующие. Среди его важных выводов предложение нового понятия рационализированного гуманизма в качестве альтернативы дефиниции постгуманизма.

Ключевые слова: гуманизм, постгуманизм, трансгуманизм, антропоцентризм, права человека, права животных, искусственный интеллект, био-роботы, социальная иерархия, власть, господство, рационализированный гуманизм.

JEL: B59, K19, O10

УДК: 008

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185

© А.Н.Медушевский, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Медушевский А.Н. Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? (Часть I) // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 171–185.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185.

FOR CITATION: Medushevskiy A. Post-humanism: Academic Theory, Social Utopia or the New Ideology of Political Dominance? (Part I) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 171–185. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185.

Введение

В условиях глобализации возникают учения, направленные на ниспровержение основ классического гуманитарного познания, ставящие под сомнение доказательность добытых им методов и аргументов при объяснении мира. Одно из таких учений — постгуманизм с его претензией на новый синтез знаний о природе, обществе и человеке. Основная гипотеза этого учения заключается в предположении, что человечество как биологический вид достигло предела своей эволюции, когда оно вынуждено либо исчезнуть, либо подвергнуться радикальной трансформации с учётом новых экологических, технических и когнитивно-информационных вызовов, радикально изменив свою биологическую природу. Эта трансформация определяется отношением к центральному принципу гуманистической философии — антропоцентризму, его воспроизводством в новых формах (что предлагает трансгуманизм), пониманием современности как процесса перехода от гуманизма к постгуманизму или радикальным отказом от гуманизма (что постулирует антигуманизм) вплоть до полного исчезновения человечества с заменой его другими «нечеловеческими» формами разумного существования.

Проект постгуманизма, при кажущейся утопичности его предположений имеет признаки вполне рациональной научной гипотезы и не может быть просто отброшен, а заслуживает критического анализа. Этот проект продвигает переосмысление современной научной картины мира с позиций новой системы координат; предлагает собственную концепцию познания, ориентированную на критику нашей способности суждения; отстаивает общественный идеал и программу социальных реформ, ориентированных на ревизию исторически сложившихся параметров иерархии, господства и власти. Наконец, он позиционирует себя как новую критическую теорию — полный пересмотр таких традиционных категорий гуманитарной мысли, как человек и его место в мире, во имя достижения более справедливого, устойчивого и разумного общественного устройства. Критике подвергается как ценностная основа гуманизма, так и социологическая теория культуры, общества, семьи, собственности, права и власти, доминирующая в современной науке.

В данной статье нас интересует следующая совокупность вопросов: в чём смысл диагноза перехода человечества к постгуманистическому состоянию; каковы социологические параметры социального проекта постгуманизма; насколько обоснованы предложения принципиально новых форм господства и власти и их возможные непредвиденные следствия. Статья разделена на две части — в первой проведена реконструкция основных теоретических установок данного течения, во второй — упор сделан на вклад технологий в представления о социальном устройстве будущего.

Постчеловеческое состояние как категория познания

Постгуманизм — это *философская концепция*, описывающая мир исходя из предположения, что люди утратили в нём положение центральных персонажей; *междисциплинарная область исследований*, интегрирующая взаимосвязи человеческой и внечеловеческой совокупности объектов природы; *моральное учение*, апеллирующее к защите альтернативных (нечеловеческих) форм живой природы и населяющих её существ; *социологическая теория*, конструирующая понятия за пределами традиционных категорий социальной иерархии, расы, национальности, класса и пола во имя преодоления традиционных разделительных линий между человеком, животным и машиной, наконец, *сфера культуры и искусства*, в центре которой оказывается конструирование образа будущего без людей — в научной фантастике, литературе, средствах массовой информации и образовании.

Позиционируя себя как философию XXI в., постгуманизм отвергает классический гуманизм — представление о мире, сформировавшееся в эпоху Возрождения и Просвещения, отрицает главенство человека, основанное на представлении о нём как центре вселенной и «мериле всех вещей» (фраза, приписываемая Протагору), и выдвигает категорию постчеловеческого состояния. Постгуманизм представлен направлениями, различающимися трактовкой этого состояния — *культурный постгуманизм* (пересмотр гуманистической философии с позиций распространения человеческой субъектности за пределы человеческого рода); *трансгуманизм* (технологии, обеспечивающие расширение человеческих способностей во времени и пространстве); *технологический постгуманизм* (потенциальная замена человека как биологического вида его модификациями или искусственным интеллектом); *антигуманизм* (отрицание гуманизма как такового); различные *апокалиптические теории* — добровольное вымирание или уничтожение человека (путём его трансформации в информацию или цифру). Все эти подходы выдвигают интегрирующую конструкцию *постчеловеческого состояния* — мира без людей или их коренного перевоплощения в биологическом и технологическом смысле [Wolfe, 2010; *The Bloomsbury Handbook...*, 2020; *Cabinet of Imaginary...*, 2021; *Palgrave Handbook...*, 2022]. Но они формировались в разное время, опирались на разную методологию и социальные ориентиры и далеки от единства в понимании перспектив человеческой цивилизации¹.

В основе постгуманизма лежит деконструкция человеческого состояния. Постгуманизм отрицает традиционные границы познания (выводя их за рамки человеческого конструирования); подвергает радикальному сомнению само понятие знания; выдвигает новые эмпирические методы изучения взаимодействия различных форм восприятия мира и настаивает на пересмотре смысла жизни как творчества (воли к знанию). Появление постгуманизма как направления мысли связано прежде всего с технологическими вызовами цивилизации: «Современные технологические достижения ставят нас перед жёстким выбором — сохранять традиционные представления о человеке как вершине творения и природы, или низвести его до уровня одного из элементов природы. Должен он сохраняться в своём традиционном понимании или преодолеть его, став единством биологических и технических элементов (киборг) или вообще перевести свою природу в техническую форму и цифру. Если встать на последнюю точку зрения, то можно достичь нового уровня слияния с природой, не противопоставляя себя ей» [Oberauer, 2021].

Очевидно противоречие постгуманистического подхода как научной теории и формирующейся идеологии. Позитивный вклад состоит в постановке новых вопросов. Методологическое сомнение в ценности гуманизма определяет внимание к соотношению органической и технологической материи, расширению границ субъективности восприятия, позволяя преодолеть традиционные дихотомии научного сознания — человек и природа, человеческое и нечеловеческое, мужское и женское, естественный и искусственный интеллект — конструкции, которые становится возможным пересмотреть и изменить. Негативная сторона связана с превращением данной теории в новую социальную утопию или, скорее, антиутопию — конгломерат достаточно неопределённых представлений о будущем, объединяемый страхом перед худшими сценариями развития человеческого общества и его зловещими проблемами [How *The Posthuman...*, 2023]. Трансформация постгуманизма в идеологию способна сделать его самореализующимся прогнозом, т.е. материализовавшейся социальной антиутопией.

¹ Обзор основных направлений постгуманизма см.: Постгуманизм. URL.: <https://en.wikipedia.org/wiki/Posthumanism>; Марков С. Постгуманизм. История, основные положения и представители. 21.12. 2021. URL.: <https://creativeabs.com/absolyut-v-zapadnoj-filosofii/postgumanizm.html>; Постгуманизм / Сост. И. Жужгин. // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2022. № 4 (75). URL.: <https://dfnc.ru/arhiv-zhurnalov/2022-4-75/kontseptsiya-postgumanizm/>; (дата обращения: 26.06.2024).

Разум и эволюция: гуманизм, трансгуманизм, постгуманизм

Революция в изучении мозга продвинула наше понимание его деятельности по конструированию реальности, внося вклад в когнитивные исследования. Они концентрируются на способности мозга перерабатывать данные посредством восприятия, кодирования, фиксации, классификации, обеспечивая ретроспективную и упреждающую деятельность мозга на всём протяжении человеческой жизни. Однако любое когнитивное нарушение модифицирует этот процесс и меняет порядок вещей. Если предположить, что познание существует не в мозге, а в его взаимодействии с материальным миром, то разные формы материальной культуры активизируют эти познавательные способности и процессы или изменяют их в разные периоды. В центре, следовательно, должен находиться сам процесс соединения, в котором все мобилизованные элементы обретают свободу действий через свои связи.

Рассуждая таким образом, постгуманисты обращаются к процессу конструирования сознания — эпистемологии того, как материальные «вещи» (или технологии) приобретают значение в формировании памяти и занимают определённое положение в картине мира субъекта. Это определяет внимание к ситуативности, практическому знанию, воплощённому в эстетических, технологических, нормативных, дискурсивных и социальных инфраструктурах [Gherardi, 2019; Parolin, 2019]. Постгуманитарная наука выступает как наддисциплинарная область современного гуманитарного знания, вдохновлённая неоматериалистической этикой, актуализирующей разные типы взаимосвязей, включая отношения современной цивилизации с пропавшими без вести народами, кочующие знания и их влияние на возможное будущее. Критические постгуманистические науки, по мнению Р.Брайдотти, могут стать эпистемологическим средством реализации этого проекта [Braidotti, 2018, *Брайдомми*, 2021]. Альтернативный подход, так называемый «витализм», расширяет границы этой эпистемологии с учётом всего диапазона факторов, т.е. «всего, что делает нас живыми существами» — от биологических параметров (включая болезни и ошибки) до исторической и культурной динамики, определяющей степень, в которой всем людям доступно социальное, юридическое и политическое признание как личности [Osborne, Rose, 2023].

Тема поиска взаимосвязей объединяет широкий круг вопросов — природа разума, познания и знания, понятие границ субъектности; социальное и биологическое бытие человека; соотношение человека и нечеловека; биологические и правовые аспекты взаимодействия видов; функциональные параметры; информационно-когнитивные аспекты деятельности. Представлено альтернативное видение будущего человечества как биологического вида — от констатации его трансформации до исчезновения или самоубийства человечества как финальной точки всего процесса. В сфере внимания постгуманизма стоят вопросы антропоцена, различные формы постантропоценной жизни — жизнь животных и жизнь неорганических объектов; соотношение прав человека и прав иных объектов — природы, животных и даже неживых физических объектов, исследования технологий, окружающей среды и космологии, новые онтологии и новый материализм, информационная политика и пересмотр образовательных подходов с позиций постгуманизма, критики капитализма и постколониальных устремлений [Du Preez, Simmonds, 2022].

Общим для всех течений, объединяемых понятием постгуманизма, становится идея о том, что человеческая эволюция подошла к рубежу качественных изменений, за которыми следует принципиальное изменение природы человека. Масштабы этого изменения, однако, определяются по-разному, выявляя соотношение понятий — гуманизм, трансгуманизм и постгуманизм. Трансгуманизм по большей части принимает традиции классического гуманизма, опираясь на его рационализированную трактовку — расширение человеческих возможностей путём их комбинирования с новыми технологиями или выступает как переходная стадия от гуманизма к постгуманизму. Постгуманизм — означает тотальный отказ от гуманизма в силу исчезновения человека как биологического вида и настаивает на переходе к качественно новым биологическим или технологическим формам существования интеллекта.

Природа и человек: критика антропоцентризма

Постгуманизм постулирует идею природы как целостного явления, где человек является не её вершиной и повелителем, но лишь малой частью. Эта идея раскрывается по трём направлениям — обоснование возможности жизни «за пределами антропоцена»; раскрытие «взаимодействия человека и нечеловека»; реконструкция «форм жизни и новых онтологий» в очень разных конstellациях [*Life in a Posthuman...*, 2023].

Первое направление критики выдвигает отказ от гуманистического антропоцентризма. Антропоцентризм — это система представлений о человеке как единственном субъекте (рациональной автономной личности), которая определяет все онтологические, эпистемологические и этические обязательства. Данная система, по мнению критиков, утверждает дуализм разума и природы, ведёт к увековечиванию иерархии, господства и контроля над иными людьми и другими существами, выступающими исключительно средствами для достижения человеческих целей. Поэтому с позиций постгуманизма она не может быть основой отношения общества к окружающей среде, другим видам и представляется этически неправильным и прагматически неэффективным подходом [*Kopnina*, 2018].

Второе направление — отношения человека с другими формами жизни. Постгуманизм, по мнению его сторонников, устраняет разрыв между человеком и нечеловеческим — преодолевает эксплуатацию природы и отрыв человека от неё, основанный на высокомерном противостоянии ей. Это заставляет пересмотреть само понятие жизни, тех её форм, которые ранее не исследовались в силу представлений о том, что является «научным». К ним относятся — постантропоценовая жизнь, жизнь нечеловеческих существ (животных) и «жизнь неорганических объектов». В связи с этим предпринимаются попытки реконструировать воспринимаемый мир животных и взглянуть на их «субъектность», понять, что происходит с неорганической материей (например, цифровыми объектами), когда она больше не используется каким-либо субъектом, или установить, можем ли мы думать о неорганической материи с точки зрения субъективного самосознания.

Третье направление — отрицание иерархической видовой логики в стремлении изменить онтологическую позицию человеческого вида и создать более справедливые условия для всех видов. Многовидовые отношения становятся предметом изучения в культуре, истории, городском пространстве, практиках современного искусства. Они создают живые рамки, фиксирующие встречи разных цивилизаций, встречи людей с нечеловеческими «культурами животных», овеянные историями, ритуалами и представлениями о справедливости. «Неприкосновенность Земли» — обязательное требование к архитектуре, городскому строительству, проектированию, которое дополняется набором пересекающихся инновационных космологий, установок, действий и способов осуществления проектов.

В отличие от традиционной иерархии, вытекающей из гуманизма, антропоцентризма и колониализма, утверждают критики, «постлюди» неоднородны и приобретают разнообразный диапазон сознательных взаимодействий с иными формами материи. Некоторые из этих способностей (такие, как сочувствие, альтруизм, концептуальное мышление и моделирование будущего) весьма необычны и, как ни парадоксально, могут иметь ключевое значение для преодоления упадка окружающей среды и антропогенного изменения климата. В постчеловеческой теории противовесом антропоцену выступает концепция альтернативного юридического субъекта — Космической Личности. Космический Человек в этом понимании есть конструируемый правосубъект, который непосредственно учитывает нужды и интересы всего сообщества жизни на Земле [*Norman*, 2022].

Западная правовая традиция: параметры критики с позиций постгуманизма

Правовой гуманизм, лежащий в основе юридической традиции Запада, исторически связан с господством римского права [*Legal Humanism*, 2020], поддержанием преемственности в форме его рецепции в национальных государствах Европы и актуализацией в Новое время «догматического» римского права в противовес «антикварному» римскому праву [*Reassessing Legal...*, 2015]. Для этой традиции характерно жёсткое постулирование «прав человека» с позиций его исключительности, основанной на идеалах индивидуализма, рациональности, иерархии и достоинства. Постгуманизм противопоставляет этой традиции отрицание «самопровозглашённой универсальности» прав человека, закладывающей, по его мнению, несправедливые критерии и границы их защиты в интересах ограниченного меньшинства.

Преодоление этого противоречия усматривается в создании новой онтологической структуры, позволяющей включить все нынешние и будущие формы «человеческого» в «постчеловеческое», в идеале предотвратив дарвинистическую борьбу за существование формирующихся новых видов. Предлагается заново обосновать теорию субъектных прав в юридической категории «личность» с учётом расширения объёма этого понятия и его соответствия технологическим изменениям [*Siddiqui*, 2021]. Данная онтологическая структура так называемой «постгуманной легальности» связывает воедино экологические и социально-биологические факторы, стремясь разрешить смысловые противоречия, связанные с кризисами экологии, климата, бедности и миграций, исчезновения видов и технологических разработок, которые всё больше усложняют само понятие «жизнь».

Постчеловеческая теория выдвигает программу реформ международного и конституционного права, основанную на признании природы источником права и отрыве последнего от концепции государственного суверенитета. Этот подход включает экологическое право, морское право, права человека, конфликты и влияние науки и технологий [*International Law...*, 2024]. Он выступает за международное право окружающей среды, транснациональное правосудие в этой области, трактовку прав человека, исключающую продолжение текущей практики «избыточного давления на природу» и социальных меньшинств, права которых исторически дискриминировались [*Медушевский*, 2022]. В основе лежит требование экологической справедливости — выполнение «экологического долга» (или климатического долга) человечества во имя преодоления «исторической несправедливости» по отношению к окружающей среде. Он связан с пересмотром баланса прав по трём направлениям — территориальному (неравный обмен ресурсами между центром и периферией мировой экономики); социальному (неравный доступ различных социальных групп к ресурсам) и временному (перерасход ресурсов нынешним поколением за счёт будущих) [*Burdon*, 2015].

Общим выражением конфликта становится долг человечества перед природой, для преодоления которого требуется обеспечить, с одной стороны, справедливый (равный) доступ к природным ресурсам и преимуществам экосистем, с другой — справедливое распределение обязательств по их использованию человечеством. Этот подход охватывает вопросы публичных прав на землю, добываемые геознергетические ресурсы и способы их распределения.

Направления пересмотра международного права и глобального управления

Международное право — область, основательно затронутая постгуманистической философией с позиций критики его устоявшихся представлений о справедливости, экологии, государственном суверенитете и правах меньшинств [*International Law...*, 2024]. Глобальный конституционализм ставит проблему переосмысления границ интеграции

и фрагментации в создании нового мирового порядка [Медушевский, 2023]. На этой основе предлагается разрешение конфликта двух конкурирующих принципов международного права — суверенного права собственности государств на их территорию и обеспечения коллективной собственности человечества на землю и ресурсы во имя разрешения социально-экономических проблем глобализации (диспропорции глобальных регионов и бедности) [Burdon, 2015; Davis, 2021; Alix, 2023; Käll, 2023]. В этом контексте выдвигаются предложения по установлению международного контроля по осуществлению государствами прав собственности на естественные ресурсы — включением их в минимальный стандарт прав. Предлагаемый пересмотр основ конституционализма усматривается в отказе от рассмотрения природы как нейтрального (лишённого субъектности) понятия и возвращении к традициям естественного права в буквальном смысле (как права природы) — введении концепции единой геогуманитарной цивилизации для защиты экосистемы Земли [Carducci, Castillo Amaya, 2016]. Это означает принятие природы как «основной нормы» конституционализма, отказ от антропоцентризма, европоцентризма и индивидуализма, свойственных западному либеральному мейнстриму.

Данная программа включает пересмотр иерархии прав: на первое место должна быть поставлена экология во взаимодействии с правами человека, защита коллективных, а не индивидуальных прав. Частью этой программы становится выработка условий для достижения разумного баланса «исторических» и «современных» прав. Эта программа включает новый подход к экологии и публичной собственности, выдвигает «постлиберальный конституционный дизайн, включающий приоритеты дискриминируемых меньшинств, парадигмы развития, вдохновлённые аборигенами, — коренными народами (например, американскими индейцами или африканскими племенами), децентрализацию управления (за счёт традиционной конфигурации институтов местного самоуправления), изменения стандартов международного правосудия. Примером практической реализации данных представлений стал «новый конституционализм», отражающий вопросы экологии, права природы и постгуманистических прав — опыт Эквадора, Боливии и Новой Зеландии [Kent, 2017].

Обращение к правам природы выступает центральным элементом реформы международного права [Jones, 2021]. Констатируя «системное насилие» в отношении природы (в частности почвы), сторонники этой позиции предлагают трансформировать правосудие, основанное на частно-правовом регулировании отношений человека с почвой в публично-правовые отношения (которые уже формируются в виде регенеративного фермерства и возникающего сотрудничества между фермерами и художниками-визуализаторами). Природа и Земля выступают уже не только как объекты права, но и как его субъекты — правообладатели. В центре — такие понятия, как права природы, экологическая справедливость, общее достояние, биоцентризм. Наделение субъектов природы (например, природоохранных или культурных зон, заповедников и проч.) этим правом и новой легитимностью включает переосмысление места общества и человека — разрушение индивидуалистической, антропоцентрической, европоцентрической и основанной на собственности точки зрения прав [Posthuman Legalties..., 2021].

Переосмысление западной правовой традиции с позиций постгуманизма ставит под вопрос концепцию человеко-центрированных знаний в целом и управление в частности. Проводится разделение между людьми и нечеловеческими субъектами по следующим параметрам: кто контролирует нормативную власть, как осуществляется правовое регулирование внутри и извне этих субъектов, как трансформируются описательные и нормативные взгляды на право в привычных либеральных позициях. Характерно противопоставление постгуманистической трактовки права и справедливости той, которая доминирует в теории и судах [Käll, 2022]. Этот круг вопросов постчеловеческого права становится темой многочисленных современных исследований [Pasquale, 2020; Pugliese,

2020; *Cabinet of Imaginary...*, 2021]. Выводя «закон за пределы человеческого», это направление стремится найти правовое выражение факторам, которые ранее игнорировались, но определяют само понятие «жизнь». Это — экология, почвы, реки, коренные народы, животные, собственность как среда обитания, искусство, встречи цивилизаций и вообще «необычные постчеловеческие способности». Взаимодействия этих факторов сигнализируют о необходимости вывести понятие «закона» за пределы «человеческого» с позиций постгуманизма и нового материализма. Ответ на новую реальность состоит в разрушении барьеров в экологическом и климатическом праве, в области прав человека, а также в обсуждении новых подходов к планетарной справедливости [Cullian, 2011; *Posthuman Legalities...*, 2021].

Предлагается переосмысление того, как западное право и правовая теория структурируют отношения человека и Земли. Эти отношения в западной культуре, по мнению пост-гуманистов, несправедливы. Натурализованная иерархия человек – природа в западном социальном воображении совсем не естественна. Требуется создание контрнарратива. «Космический Человек» в качестве альтернативного, недублированного человеческого правового субъекта прокладывает путь для трансформации западного культурного понимания отношений человека и Земли — от господства и контроля к идеальному сосуществованию [Norman, 2022].

Конвергенция прав — человека, животных и роботов?

Постгуманизм ставит вопрос о правах в пересекающихся человеческих, нечеловеческих и технологических мирах — от ушедших в небытие народов и социальных меньшинств, пребывающих в состоянии «голой жизни»², до животных и биороботов. Легитимность этих существ, ещё не защищённых законом, не может быть подтверждена антропоцентрической риторикой идеологов прав человека, но требует включения ассоциаций людей и вещей, нечеловеческих *живых* существ и даже будущих поколений. С этих позиций уже с начала 2000-х гг. выдвигается тезис о «конце прав человека» в эпоху постгуманизма [Posthumanism, 2000; Douzinas, 2000; Baxi, 2009]. Именно здесь усматриваются пути регуманизации закона, основанного на постчеловеческом «праве на права» [Gruber, 2020].

Критике подвергается неспособность права реагировать на «инаковость» нечеловеческих существ как живых, так и не живых (искусственный интеллект). Предлагается признать факт появления «права за пределами человеческого», тезис о «нечеловеческой субъектности», формирование системы понятий и речевых коммуникаций, способной отразить новую трактовку прав человека и политику права. Эти конфигурации выходят за рамки схемы ответственности и защиты, которая организует даже самые прогрессивные теории и практики международного экологического права, такие как предоставление «прав на природу».

Важное самостоятельное направление постгуманистической мысли представлено изучением живых организмов — от высокоразвитых животных до бактерий. В рамках этого подхода отвергается утилитарное отношение к животным как простому ресурсу для человеческого использования и получения выгод (экологических, социальных, экономических), ведущему к их эксплуатации и убийству для удовольствия

² Голая жизнь — термин Дж. Агамбена и других левых теоретиков, означающий понимание социального и правового бытия через призму биологии. Обсуждаются, в частности, возможности установления контроля государства над человеком как биологическим существом и, следовательно, способность власти манипулировать и управлять им на ином качественном уровне (медицинских параметров), что не исключает нового тоталитаризма [Агамбен, 2011].

(например, на охоте) или превращению в товар для рекреационных целей, отстаивается более сострадательное и уважительное отношение к нечеловеческим живым существам [Lopez, Quintero Venegas, Gutierrez, 2023]. Сторонники этого подхода предприняли проекты конструирования прав отдельных видов высокоразвитых животных, в частности, человекоподобной обезьяны³. В конечном счёте, однако, эти проекты опирались на либеральный гуманизм и строили свои аргументы (чрезвычайно спорные) на основе заявления о близости некоторых животных к человеку. Их авторы исходят из того, что они заслуживают правового рассмотрения, поскольку сходны с людьми [McLaughlin, 2019]. Критики признают это недостаточным, настаивая на создании целостной постгуманистической теории защиты прав всех животных, полагая возможным сделать это через законодательство⁴.

Существующие гарантии прав животных признаются недостаточными. Гуманное отношение к животным стало темой правовых изменений. В некоторых странах (например, Швейцарии) конституции уже определяют животных не в качестве вещей (как было ранее), но существ⁵. Вопрос о том, могут ли они получить полноценную защиту прав остаётся открытым. Главное препятствие — вопрос о существовании у животных свободы воли, отсутствие которой — аргумент, отрицающий их правоспособность. По мнению постгуманистов, в основу решения вопроса должен быть положен не факт наличия у них свободы воли, но, как утверждал еще И. Бентам, существование у животных способности страдать. Обсуждается влияние тел человека и животных в создании восприятия и вводится понятие «животной субъектности», предположительно характерной даже для большинства многоклеточных животных [Smith, 2023].

Humanimalia — особое направление исследований (и название журнала), где изучается взаимоотношение людей и животных. Переломным моментом в сознании сообщества признается публикация книги П. Сингера «Освобождение животных» в 1975 г. [Сингер, 2021], раскрывшего чудовищную жестокость людей в обращении с ними, и начало движения за права животных. Отношения человека с животными стали предметом изучения в самых разных дисциплинах: от археологии до литературоведения, от социобиологии до постколониальной теории. Социальные и правовые отношения с животными стали объектом пристального внимания из-за возросшей активности в защиту прав животных, перехода от дискурса «домашних животных» к разговору о «видах-компаньонах» и расширения репрезентации животных через средства массовой информации, поскольку, как констатировалось, животные всё чаще исчезают из повседневного опыта на Западе [Vint, Csiscery-Ronay, 2009].

С этих позиций обращается внимание на изменение природы самого человека под воздействием природных факторов. Примером служит влияние пандемии 2020 г. на человека: некоторые воспользовались изоляцией как возможностью, чтобы бродить в тишине относительно свободных от людей пространств, другие — предпочли замкнуться дома,

³ Рассматриваются два проекта. Первый — Nonhuman Rights Project (реализован в США), второй — The Great Ape Project (реализован преимущественно в Новой Зеландии и Испании). Их методология такова: первый стремился использовать аргументы существующей правовой парадигмы, чтобы побудить суды признать шимпанзе в качестве «личности»; второй — намеренно избегал судов (из страха создать нежелательные прецеденты) и предпочитал стимулировать изменения через законодательство.

⁴ Для позиции автора (McLaughlin) характерно то, что он благодарит за поддержку в написании работы не только жену и детей, но также многочисленных собак и других животных, обсуждая возможности правовой защиты и иных живых организмов (например, такого высокоразвитого существа, как осьминог).

⁵ В Швейцарии, которая пошла далее всех в правовой защите животных, в 1999 г. в конституцию включена защита животных (но не права), в 2002 г. — животные определяются в ГК как существа, а не вещи, это положение в 2009 г. включено в конституцию. В других странах (США) говорится о гуманном отношении к животным и разделяются их виды с точки зрения уровня защиты. В России этот подход также получает развитие — правда, пока только в виде правовых норм и реальных судебных наказаний людей за жестокое обращение с животными.

третьи оказались восприимчивы к вирусу [*Posthuman Legalities...*, 2021. Pp. 1–2]. Впрочем, в массовой культуре взаимодействие человека и животных приобретает иногда гротескные формы, что демонстрируется попытками легализации браков людей с животными или появлением так называемых «зверо-людей»⁶.

Технологии и магическое мышление

Ключевое направление постгуманистической теории — реконструкция отношений человека с неживой природой и, в частности, техническими системами. В этическом и психологическом плане, полагают сторонники этого направления, важно преодоление разделения понятий «человеческой» и «нечеловеческой» субъектности, традиционного для гуманистической мысли. С позиций постгуманизма разделение между человеческими и нечеловеческими агентами (телами) — всегда следствие дифференцированного набора сил. По этой причине границы между человеком и нечеловеком никогда не остаются неизменными. Как утверждают теоретики постгуманизма, это изменение границ можно чётко представить в отношении цифровых технологий. Сегодня такие технологии стирают границы между людьми и вещами, что иллюстрируется тремя наиболее распространёнными примерами — широким использованием смартфонов, социальных сетей и онлайн-поисковиков [*Käll*, 2017].

Постгуманизм и трансгуманизм переосмысливают права человека с позиций соотношения прав людей, людей с встроенными техническими приспособлениями (своего рода «андроидов») и роботов (искусственного интеллекта). Речь идёт о двух процессах — когда человек включает в своё тело элементы машины и когда робот обретает чувства человека [*Human rights*, 2023]. Этот процесс конвергенции человека и машины, полагают они, создаёт новое качество — появление акторов, определяемых категорией «больше, чем человек», что предполагает альтернативы в таких областях, как экологическое право и права природы, автономное машинное обучение и искусственный интеллект [*More-than-human...*, 2023], теоретически способный обрести автономную систему субъективного восприятия. Теория «прав человека» с этих позиций ограничена и должна быть расширена правами иных сообществ и агентов. Поэтому постгуманизм предлагает определить перспективы постепенного стирания границ между человеком и машиной, включая в том числе апокалиптические конструкции постчеловеческого состояния, целиком основанного на вытеснении человека машинами [*Baxi*, 2009].

Противоречие, заключённое в философии постгуманизма — соединение новейших технологий с социальной архаикой. Подъём постгуманизма происходит с 1970-х гг., но имеет длительную предысторию философских дискуссий [*Guesse*, 2020], где наука встречалась с фантастикой для решения актуальных проблем, стоящих перед современным обществом [*Posthumanism*, 2000], и левой критической теорией, стремившейся преодолеть дискриминацию в области социальных, расовых, гендерных и неокOLONиальных практик [*Jones H., Jones N.*, 2020], настаивая на том, что человек должен стать соучастником творчества и проч. [*An interview*, 2020]. Этим определяется тренд постгуманизма на соединение новых технологий с демодернизацией, выраженной в интересе к традиционным культурам и антропологическим данным, в том числе в массовой культуре и изобразительном искусстве — от Африки, Индии и Океании до латиноамериканских индейцев и ушедших древних цивилизаций. Смысл этих инициатив — уйти от европоцентризма и переосмыслить уни-

⁶ Зверо-люди (*Beastman*, *Homo Sapiens Variatis*) — получеловек-полузверь, чудовище, присутствующее в разных мифах (минотавр, кентавр, сатир, оборотень) или фантастических романах (человек-невидимка, человек-амфибия, человек-волк, человек-паук, человек-мотылёк и проч.). Реальные примеры таких перевоплощений под влиянием легенд или фильмов (в виде, например, человека-собаки) выглядят, конечно, как формы психических отклонений.

версальные категории культуры и технологии, поместив их в гетерогенную домодернистскую традицию философии и искусства (например, в виде кино) [Srinivas, 2023].

Констатировалось, что некоторые процессы постгуманизации, очевидно, имеют более древнее происхождение — семьи, включавшие домашних животных, общества, считавшие реальным существование нечеловеческих существ, где призраки, монстры, ангелы и герои имеют для них реальное значение. О реальности этих представлений говорят объекты — храмы, кладбища, зоопарки, отражённая в них космогония [Mbembe, 2019]. Популярная культура, в частности, создала химер, гибридов человека и животных и техно-антиутопии (сосредоточенные на буйном искусственном интеллекте и киборгах), сделав их обычным мотивом. Критический постгуманизм выдвигает синтез традиции и новизны — предлагает работать над планом имманентности пропавших без вести народов, переосмыслить взаимосвязь людей с другими формами жизни, вернувшись к представлениям, отражённым в азиатских, африканских и вообще племенных мифах аборигенов, историях творения, фольклоре и литературе коренных народов разных континентов и с этих позиций отстаивает понимание многомерности современных форм существования, включая такие параметры, как информационные коды и бионетика, выявление многослойности власти [Braidotti, 2018].

Власть человека и власть технологий, по мнению некоторых постгуманистов, — сфера взаимодействия рационального и иррационального. С одной стороны, технологии — триумф рациональности. С другой стороны, это иллюзия, поскольку само понятие рациональности неоднозначно в разных культурах. Сам способ мышления архаичных народов демонстрирует иную картину мира и искусства, определяемую таким понятием, как магический реализм. Не существующие в реальности объекты обретают реальность постольку, поскольку люди верят в их существование и определяют своё поведение в соответствии с этими представлениями. В редакционной статье для «Журнала постчеловеческих исследований» цитируется один из трёх законов Артура Кларка, гласящий, что любая достаточно развитая технология неотличима от магии. В отношении культурной роли, степени воздействия и целей применения отмечается структурная аналогия между магией и достаточно развитыми технологиями. Конкретные технологии уже будто бы помогли реализовать определённые магические цели, стимулируя принятие вымышленных существей как реальных [Sorgner, 2023]. Впрочем, для доказательства этого тезиса нужны, по-видимому, более сильные научные аргументы.

Сегодня технологический прогресс, действительно, достиг степени, позволяющей увидеть рациональность некоторых мифических и сказочных представлений — перемещение в пространстве по воздуху и под водой; возможность общения людей, находящихся на разных континентах; полёты в космос; дизайн человеческих организмов (рождение в пробирке); возможность чтения мыслей (сканирование мозга) и резкого увеличения продолжительности жизни (биотехнологии); увеличение возможностей человека техническими методами (трансплантология) и т.д. Означает ли это, что можно реализовать всё, что можно представить? Если это так, то не утрачивает ли человек собственной идентичности, оказываясь перед дилеммой столкновения консервативной этики и технологического нигилизма?

Дилемма человечества: следует ли отказаться от гуманизма?

При изучении постгуманизма как течения социальной мысли возникает устойчивое психологическое противоречие. С одной стороны, эмоциональная привлекательность этого учения, роднящая его с гуманизмом, а также бесспорность констатируемых им противоречий современного существования человека. Всё более отрываясь от своей биологической основы, он сталкивается с трансформацией себя как биологического вида,

решая вопросы гибкой адаптации к технологическим изменениям. Не вызывает сомнений и ряд рекомендаций по пониманию сложности экосистемы, сближению с природой, и важность социальной программы преодоления дискриминации во всех известных формах. С другой стороны, очевиден идеалистический характер выводов и рекомендаций данного учения, аккумуляровавшего представление почти всех утопических проектов прошлого. Мессианский характер устремлений постгуманизма сближает его с рядом предшествующих идеологий, отстаивавших способность решить едва ли не все фундаментальные проблемы человечества.

Как все понятия, оснащённые приставкой «пост» (постиндустриализм, постмодернизм, посткоммунизм и т.д.), постгуманизм — учение, которое стремится объяснить всё, но в действительности объясняет очень немногое. В какой мере «постчеловек» остаётся человеком, а в какой уже перестал им быть — не определено. Речь идёт о конгломерате представлений, описывающих сложные проблемы адаптации человечества к новым вызовам эпохи глобализации и технологических инноваций. В основе лежит психологическая травма, связанная с дезориентацией человечества в условиях масштабной эрозии привычных традиционных ценностных и социальных ориентиров. В рамках учения постгуманизма ответ найден в отказе от человеческой идентичности — постулировании нового постчеловеческого состояния, которое автоматически противопоставляется гуманизму с его верой в центральное положение человеческой личности и её творческих возможностей.

Критический анализ постгуманизма как научной теории и проекта социального переустройства возможен с позиций гуманизма, поскольку у нас просто нет иной разработанной системы координат. Антигуманизм — в известной мере также гуманизм, поскольку мыслит в установленной им системе координат. Прежде всего система понятий, разработанная данным учением, в сущности, воспроизводит все категории гуманизма, давая им противоположную (негативную) ценностную интерпретацию — вплоть до понятия антигуманизма. Отрицая состоятельность (человеческого) познания, постгуманизм ориентируется тем не менее на основные выводы гуманистической философии — рациональное конструирование и идею научного прогресса, технологии и медицину.

Продвигая новое понимание места человечества и его эволюции в истории, природе и информационном обмене, постгуманизм опирается, в сущности, на традиционалистские представления доиндустриальной эпохи. Позитивный идеал постгуманизма, как и многих предшествующих утопических теорий, устремлён не в будущее, но в прошлое — возвращение человека к первозданной гармонии с природой, включая воспроизводство мифов и даже стоящих за ними сверхъестественных существ, бытие которых едва ли доказуемо научными методами. В качестве теории познания он возвращает нас к вполне материалистической версии восприятия мира, усиленной технократически-биологическими аргументами. В качестве онтологической теории — это воспроизводство циклических идей Руссо, Маркса и Кропоткина — о создании будущего путём возвращения в прошлое и взаимопомощи как факторе социальной эволюции. Золотой век (первобытной гармонии) сменяется — в этой трактовке — эпохой конфликта человека с природой, порождающей социальное (классовое) неравенство и дискриминацию, но в будущем эта гармония, разрушенная капитализмом и индустриализацией, может быть восстановлена — путём отказа от антропоцентризма, иерархии, доминирования человека над другими людьми и видами и технологических достижений.

Выдвигая отказ от антропоцентризма в качестве приоритета, постгуманизм не противопоставляет ему никакой другой шкалы оценочных координат, предлагая вместо них неопределённый тезис о понимании сложности взаимодействий человеческого и нечеловеческого миров. Но человек никуда не исчезает: несмотря на изменения стиля мышления, которые ставят под вопрос уникальность «человека», и несмотря на новые технологические разработки по корректировке человеческих тел, мы остаёмся, по сути, личностями. На

деле, люди как личности по-прежнему встроены в материальные, социальные, семантические и культурные ниши, которые они для себя построили и поддерживаются ими, требуя расширения диапазона возможностей для них поверх традиционных ограничений.

Констатация наступления постчеловеческого состояния выглядит, как минимум, преувеличением: человеческая идентичность остаётся частью нашего самоощущения, а все изменения осмысливаются в его категориях, выйти за пределы которых оказывается невозможно. Даже предположив возможность понимания самоощущения других живых организмов (с помощью технической реконструкции их сенсорного аппарата и познавательных возможностей), мы едва ли сможем переключать когнитивную систему человека на системы восприятия других существ (например, почувствовав себя летучей мышью). Космический человек — категория, определяющая скорее этическую ответственность за судьбы природы, чем возможность встать над системой взаимодействий всех её элементов — живых и неживых объектов. Наконец, отрицание постгуманизмом разума и рационализма тяготеет к индифферентности, убивая волю к жизни, неотделимую от воли к познанию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

- Агамбен Дж. (2011). *Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь* [Agamben J. (2011). HOMO SACER. Il potere sovrano e la nuda vita]. — М.: Европа.
- Брайдотти Р. (2021). *Постчеловек* [Braidotti R. (2021). Posthuman]. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Медушевский А.Н. (2023). *Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка* [Medushevskiy A. (2023). Global Constitutionalism: Processes of Integration and Fragmentation in the Creation of Future World Order]. — М.: DirectMEDIA.
- Медушевский А.Н. (2022). Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права [Medushevskiy A. (2022). How Universal are “Universal Standards” of Human Rights: Rethinking of the Critical School of International Law] // *Международное правосудие*. № 1(41). С. 3–31.
- Сингер П. (2021). *Освобождение животных* [Singer P. (2021). Liberation of Animals]. — М.: Синдбад.
- Alix L.L. (2023). A Post-humanist and Anti-capitalist Understanding of the Rights of Nature (with a coda about the commons) // *Oñati Socio-Legal Series*. Vol. 13. No. 3 (2023). Pp. 1003–1035.
- An Interview about Posthumanism in a Time of Crisis*. 9.11.2020. URL.: chrome-extension://efaidnbmnnnibpajpcgiclfndmkaj/https://hal.science/hal-03551855v1/file/europenowjournal.org-An%20Interview%20about%20Posthumanism%20in%20a%20Time%20of%20Crisis.pdf (access date: 25.06.2024).
- Baxi U. (2009). The Posthuman and Human Rights. // *Human Rights in a Post-human World*. — Oxford: Oxford University Press. Pp. 197–239.
- Braidotti R. (2021). *Posthuman Feminism*. — Cambridge: Polity Press.
- Braidotti R. (2018). A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities // *Sage Journals. Theory, Culture and Society*. Vol. 36. No. 6. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0263276418771486 (access date: 25.06.2024).
- Braidotti R. (2019). *Posthuman Knowledge*. — Cambridge: Polity Press.
- Burdon P.D. (2015). *Earth Jurisprudence: Private Property and the Environment*. — New York: Routledge.
- Cabinet of Imaginary Laws*. (2021) / P. Goodrich, T. Zartaloudis (Eds.). — New York: Routledge.
- Carducci M., Castillo Amaya L.P. (2016). Nature as «Grundnorm» of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South // *Revista Brasileira de Direito*. Vol. 12. No. 2. Pp. 154–165.
- Cullian C. (2011). *Wild Law. A Manifesto for Earth Justice*. — London: Chelsea Green Publishing.
- Davies M. (2021). Re-forming Property to Address Eco-social Fragmentation and Rift // *Journal of Human Rights and the Environment*. Vol. 12. Special Issue. Pp. 13–37. URL.: https://www.elgaronline.com/edcollchap/edcoll/9781802203332/9781802203332.00005.xml (access date: 25.06.2024).
- Douzinas C. (2000). *The End of Human Rights*. — Oxford: Hart Publishing.
- Du Preez P., Simmonds S. (2022). Rethinking Curriculum Inquiry in the Posthuman Condition: A Critical Posthumanist Stance // *Education as Change*. Vol. 26. Pp. 1–20. URL.: chrome-extension://efaidnbmnnnibpajpcgiclfndmkaj/http://www.scielo.org.za/pdf/eac/v26n1/18.pdf (access date: 25.06.2024).
- Gherardi S. (2019). *How to Conduct a Practice-based Study: Problems and Methods*. — Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Gruber M-Ch. (2020). Why Non-Human Rights? // *Law and Literature*. Vol. 32. No. 2. Pp. 263–270.
- Guesse C. (2020). *Fictions and Theories of the Posthuman: From Creature to Concept*. URL: https://orbi.uliege.be/bitstream/2268/241983/1/Thesis_CaroleGuesse.pdf (access date: 25.06.2024).

- How The Posthuman Helps Us Respond to a Changing World* (2023) / Ivan Allen College of Liberal Arts. URL: <https://iac.gatech.edu/featured-news/2023/11/posthuman-helps-respond-changing-world> (access date: 25.06.2024).
- Human Rights, Transhumanism and Posthumanism*. (2023). URL.: https://www.academia.edu/49966990/HUMAN_RIGHTS_TRANSHUMANISM_AND_POSTHUMANISM (access date: 25.06.2024).
- International Law and Posthuman Theory* (2024). / M. Arvidsson, E. Jones (Eds.) — New York: Routledge.
- Jones E. (2021). Posthuman International Law and the Rights of nature // *Posthuman Legalities: New Materialism and Law Beyond the Human* / A. Gear, E. Boulot, I.D. Vargas-Roncancio, J. Sterlin (Eds.) — Cheltenham, UK, Northampton, Mass.: Edward Elgar. Pp. 82–101. URL.: <https://www.elgaronline.com/edcollchap/edcoll/9781802203332/9781802203332.00008.xml> (access date: 25.06.2024).
- Jones H.F., Jones N. (2020). Race, Technology and Posthumanism // *The Bloomsbury Handbook of Posthumanism*. / M.R. Thomsen and J. Wamberg (Eds.) — New York: Bloomsbury Academic Pp. 161–170. URL: <https://philarchive.org/archive/JONRTA-3> (access date: 25.06.2024).
- Käll J. (2022). Critical Posthumanism, Justice, and Law // *Palgrave Handbook of Critical Posthumanism* / S. Herbrechter, M. Rossini, M. de Bruin-Mole, C. Muller (Eds.) — Cham: Palgrave Macmillan. Pp. 1–21. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007/978-3-030-42681-1_48-1 (access date: 25.06.2024).
- Käll J. (2017). A Posthuman Data Subject? The Right to Be Forgotten and Beyond // *German Law Journal*. Vol. 18. No. 5: Special Issue Traditions, Myths, and Utopias of Personhood. P. 1145–1162.
- Käll J. (2023). *Posthuman Property and Law. Commodification and Control Through Information, Smart Spaces and Artificial Intelligence*. — N.Y.: Routledge.
- Kalpokiene J., Kalpokas I. (2023). Creative Encounters of a Posthuman Kind — Anthropocentric Law, Artificial Intelligence, and Art // *Technology in Society*. Vol. 72. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0160791X23000027> (access date: 25.06.2024).
- Kent J. (2017). *Rights of Nature and the Political Implications of Post-ecologies*. Theses and dissertations. 686. URL: <https://ir.library.illinoisstate.edu/etd/686> (Access date: 25.06.2024).
- Kopnina H. (2018). Anthropocentrism and Post-Humanism // *The International Encyclopedia of Anthropology*. John Wiley and Sons. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118924396.wbiea2387> (access date: 25.06. 2024).
- Legal Humanism. Research Project* (2020). Max Planck Institute for Legal History and Legal Theory. URL: <https://www.lhlt.mpg.de/research-project/legal-humanism?c=2113109&page=1> (access date: 25.06.2024).
- Life in a Posthuman Condition: Critical Responses to the Anthropocene* (2023) / S.E. Wilmer, A Zukauskaitė (Eds.) — Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Lopez L.L., Quintero Venegas G.J., Gutierrez I.G. (2023). Hunting Tourism in Mexico from the Perspective of Philosophical Posthumanism // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 51–69.
- McLaughlin B.E. (2019). A Conspiracy of Life: A Posthumanist Critique of Approaches to Animal Rights in the Law // *University of Massachusetts Law Review*. Vol. 14. No. 1. Pp. 150–179. URL: <https://scholarship.law.umassd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1139&context=umlr> (access date: 25.06.2024).
- Mbembe A. (2019). *Necropolitics*. — Durham/London: Duke University Press.
- More-than-human in the Law. Workshops* (2023). Max Planck Institute Luxembourg for International, European and Regulatory Procedural Law. 23.11.2023. URL.: <https://www.mpi.lu/news-and-events/upcoming-events/detail/detail/workshop-more-than-human-in-the-law/> (access date: 25.06.2024).
- Norman J. (2022). *Posthuman Legal Subjectivity. Reimagining the Human in Anthropocene*. — N. Y.: Routledge.
- Oberauer A.N. (2021). *Posthumanism: A Philosophy for the 21st Century? Digitalization, Gene-edited Babies and Climate Crisis: is Humanity Doomed or Simply Outdated?* Posthumanism's philosophical framework asks these questions. 5.09.2021 URL.:<https://www.thecollector.com/posthumanism-philosophy-of-the-21st-century/> (access date: 25.06.2024).
- Osborne T., Rose N. (2023). Against Posthumanism. Notes towards an Etnopolitics of Personhood // *Sage Journals. Theory, Culture and Society*. Vol. 41. No. 1. URL:<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02632764231178472> (access date: 25.06. 2024).
- Palgrave Handbook of Critical Posthumanism* (2022) / S. Herbrechter, M. Rossini, M. de Bruin-Mole, C. Muller (Eds.). — Cham: Palgrave Macmillan.
- Parolin L.L. (2019). A posthumanist approach to practice and knowledge // *Ephemera: Theory and Politics in Organization*. Vol. 22. No. 2. Pp. 129–138. URL: <https://ephemerajournal.org/contribution/posthumanist-approach-practice-and> (access date: 25.06.2024).
- Pasquale F. (2020). *New Laws of Robotics, defending human Expertise in the Age of AI*. — Cambridge: Harvard University Press.
- Posthumanism* (2000). / N. Badmington (Ed.) — New York: Palgrave.
- Posthuman Legalities: New Materialism and Law Beyond the Human* (2021). / A. Gear, E. Boulot, I.D. Vargas-Roncancio, J. Sterlin (Eds.). — Cheltenham, UK, Northampton, Mass.: Edward Elgar.
- Pugliese J. (2020). *Biopolitics of the More-than-human: Forensic Ecologies of Violence*. — Durham/London: Duke University Press.
- Reassessing Legal Humanism and its Claims. Petere Fontes?* (2015). / P.J. Du Plessis, J.W. Cairns (Eds.) — Edinburgh: Edinburgh University Press.

- Siddiqui M. (2021). *Who is the «Human» of Human Rights? A Critical Ontological Inquiry*. URL: <https://globalhorizonsjournal.wordpress.com/portfolio/who-is-the-human-of-human-rights-a-critical-ontological-inquiry/> (access date: 25.06.2024).
- Smith S.-A. (2023). Temporal Subjectivity // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 80–90.
- Sorgner S.L. (2023). Editorial // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–6.
- Srinivas V. (2023). Towards a Decolonial Cinematic Imagination: A Posthuman Intervention // *Journal of Posthuman Studies*. Vol. 7. No. 1. Pp. 70–79.
- The Bloomsbury Handbook of Posthumanism* (2020) / M.R. Thomsen, J. Wamberg (Eds.) — N.Y.: Bloomsbury Academic.
- Vint Sh., Csiscery-Ronay I. (2009). *Humanimalifesto*. URL: <https://humanimalia.org/humanimalifesto> (access date: 25.06.2024).
- Wolfe C. (2010). *What is Posthumanism?* — Minneapolis, London: University of Minnesota Press. URL: https://www.filosoficas.unam.mx/docs/611/files/Sesion%2016/Wolfe_What_Is_Posthumanism.pdf (access date: 25.06.2024).

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor. Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

POST-HUMANISM: ACADEMIC THEORY, SOCIAL UTOPIA OR THE NEW IDEOLOGY OF POLITICAL DOMINANCE?

Abstract. The Post-humanist rethinking of the current social condition put under question many important paradigms of science and technologies. Among them: the humanistic concept of man, anthropocentric vision of nature and history, relations of humanity with other living beings and non-living objects, the role of the new scientific discoveries in radical transformation of humankind regarding its biological form, identity, and future survival. By doing this critical work, different post-humanist, or trans-humanist theorists argues the impact of cognitive sciences, bioethics, artificial intellect, new legal regulations and respective technologies in construction of a new man, family, property, society, and political order, presumably more fair, inclusive, and prosperous. The author put this complex of theories under critical analysis showing the changing place of such components as science, technology, ideology, and political implications of post-humanist movement regarding its impact in the formation of principally new concept of social hierarchy, power and dominance, perhaps, potentially more authoritarian than ever before. Among his important conclusions is the proposal of rationalized humanism notion as theoretical alternative to post-humanism definition.

Keywords: *humanism, post-humanism, trans-humanism, anthropocentrism, human rights, animal's rights, artificial intellect, bio-robots, social hierarchy, power, dominance, rationalized humanism.*

JEL: B59, K19, O10.